O.V.K — X.T.R

ГЕРМЕНЕВТИКА

КРУГ, КОНТЕКСТ И МЕРА

ИСКУССТВО ТОЛКОВАНИЯ: ПРАВИЛА И ГРАНИЦЫ

O.V.K — X.T.R

ГЕРМЕНЕВТИКА

ИСКУССТВО ТОЛКОВАНИЯ

Изложение правил и границ понимания —
от четырёх смыслов Писания и Шлейермахера
к кругу, контексту, спору о смысле и проверке толкований

НАСТОЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

«Понять чужое слово значит не угадать, что было в голове у сказавшего, а найти положение, при котором сказанное имеет смысл».

— из тетради читающего

Книга писана для того, кто читает трудное,
и для того, кого понимают превратно.
Правила изложены как правила,
споры — как споры,
и ничто не выдаётся за единственно верное чтение.

ОГЛАВЛЕНИЕ

✧ ✧

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЧТО ЕСТЬ ТОЛКОВАНИЕ

I. Что такое герменевтика 2
II. Слово и его происхождение 3
III. Три основания 4
IV. Древние: аллегория и Филон 5
V. Четыре смысла Писания 6
VI. Реформация и спор о ясности 7
VII. Шлейермахер и Дильтей 8
VIII. Чем герменевтика не является 9

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. УСТРОЙСТВО ПОНИМАНИЯ

IX. Герменевтический круг 11
X. Предпонимание 12
XI. Горизонт и его слияние 13
XII. Понимание и объяснение 14
XIII. Автор, текст и читатель 15
XIV. Контекст 16
XV. Жанр как ключ 17
XVI. Перевод как толкование 18

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. РЕМЕСЛО

XVII. Установление текста 20
XVIII. Медленное чтение 21
XIX. Слово и его значения в веках 22
XX. Тёмное место 23
XXI. Буквально или иносказательно 24
XXII. Подлинное и подложное 25
XXIII. Толкование закона 26
XXIV. Толкование в обиходе 27

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. ШКОЛЫ И СПОРЫ

XXV. Гадамер: истина сверх метода 29
XXVI. Защита авторского смысла 30
XXVII. Рикёр: толкование с подозрением 31
XXVIII. Смерть автора и её пределы 32
XXIX. Толкование священных книг 33
XXX. Толкование в науке 34
XXXI. Толкование образов и вещей 35
XXXII. Тексты, писанные не человеком 36

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ГРАНИЦА

XXXIII. Произвол толкования 38
XXXIV. Проверка толкования 39
XXXV. Толкование и внушение 40
XXXVI. Чего толкование не может 41
XXXVII. Толкование себя 42
XXXVIII. Правила толкующего 43
XXXIX. Правила спорящего о смысле 44
XL. Заключение: круг и мера 45

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*

ЧТО ЕСТЬ ТОЛКОВАНИЕ

Откуда пошло искусство толкования, как читали Писание,
отчего спор о смысле однажды стоил Европе войны
и как из богословия выросла наука о понимании

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Что такое герменевтика

✧

Герменевтикою зовётся искусство и учение о *понимании*: о том, как из сказанного или написанного извлекается смысл и как отличить понимание от произвола.

Нужда в ней возникает всюду, где сказанное не понятно само собою: текст древний, чужой, тёмный, священный, законный; речь человека иного времени, иного края, иного положения.

Различим три уровня, на которых она работает. **Частная** — правила чтения определённого рода текстов: Писания, закона, договора. **Общая** — правила понимания всякого текста вообще. **Философская** — учение о самом понимании как о способе, каким человек живёт в мире.

И различим её от соседей. От *критики текста*, устанавливающей, что именно написано; от *толкования* как отдельного действия; от *перевода*, который есть толкование, доведённое до конца.

Оттого книга разделена так. Часть вторая — устройство понимания: круг, предпонимание, горизонт, контекст. Третья — ремесло: как разбирают текст на деле. Четвёртая — школы и споры. Пятая — граница: где кончается толкование и начинается произвол.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Слово и его происхождение

✧

Греческое *hermeneuein* означает разом три вещи: *высказывать*, *изъяснять* и *переводить*. Уже в этом тройном значении заключено всё дело.

Слово родственно имени Гермеса — вестника, переносившего слова богов людям; вестник же не только передаёт, но и перелагает на понятный язык, а стало быть, толкует.

Оговорка, необходимая здесь. Герменевтика не имеет отношения к *герметизму* — учению Гермеса Трижды Величайшего, о коем писана отдельная книга. Сходство слов происходит от общего имени бога, и только.

Различие же существенно: *герметизм есть учение о мире; герменевтика — ремесло чтения*. Второе приложимо и к самим герметическим книгам, и к любым иным.

Родственные слова. *Экзегеза* — изъяснение, преимущественно священного текста, «выведение» смысла из него. *Эйсегеза* — противоположное и порицаемое: вчитывание своего смысла в текст. Различение этих двух и есть главный предмет пятой части.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Три основания

✧

Всё дальнейшее стоит на трёх положениях; они кажутся отвлечёнными и оказываются вполне обиходными.

Первое: смысл не дан прямо. Слова суть знаки; смысл собирается читающим из знаков, из строя речи и из положения дела. Оттого одно и то же предложение в разных обстоятельствах значит разное, и это не изъян языка, а его устройство.

Второе: часть понимается из целого, а целое — из частей. Это и есть герменевтический круг, о коем глава девятая. Слово понимается из фразы, фраза из книги, книга из времени; и наоборот.

Третье: понимающий не пуст. Он приходит к тексту со своим языком, опытом и ожиданиями. Устранить это невозможно; можно лишь *знать о том* и делать поправку.

Из трёх положений выводятся и приёмы, и границы. Приёмы: восстановить положение дела, определить жанр, читать по кругу, проверять на прочих местах. Границы: понимание не бывает окончательным и не бывает беспредпосылочным.

Заметим наперёд, чтобы не впасть в уныние: *из того, что толкований много, не следует, что все они равны*. Об этом — главы тридцать третья и тридцать четвёртая.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Древние: аллегория и Филон

✧

Толкование началось там, где почитаемый текст перестал совпадать с понятиями читающих.

У греков. Гомер был школою и Писанием; но боги его ссорятся, обманывают и терпят раны. Философы, коим это казалось неприличным, стали читать его *иносказательно*: битва богов есть борьба стихий, Афина — разумность, Афродита — влечение.

Так родилась аллегория как приём чтения — и вместе с нею вечное подозрение: не читаем ли мы в тексте то, что принесли с собою?

Филон Александрийский в первом веке приложил тот же приём к Писанию, соединяя иудейское предание с греческой философией: странствия патриархов он читал как путь души, законы — как учение о добродетелях.

Отсюда разделились две школы, споривше века. *Александрийская* — за иносказание и духовный смысл; *антиохийская* — за буквальное и историческое чтение, с недоверием к вольным толкованиям.

Спор этот не решён и поныне, и он же есть спор всей книги: *сколько свободы у толкователя*. Об этом — глава двадцать первая.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Четыре смысла Писания

✧

Средние века привели чтение в порядок, установив, что всякое место может иметь несколько смыслов сразу.

> Буквальный — что было. Иносказательный — во что верить. Нравственный — как поступать. Возводящий — чего чаять.

Образцом служил Иерусалим: буквально — город; иносказательно — Церковь; нравственно — душа человека; возводяще — град небесный.

Порядок был строг: буквальный смысл почитался основанием, и духовные строились на нём. Фома Аквинский настаивал: доказывать надлежит от буквального, ибо прочие суть надстройка.

Что это давало. Способ читать один текст на многих уровнях, не отменяя ни одного; и защиту от произвола — ибо всякое духовное чтение обязано было опираться на буквальное.

Что грозило. Разрастание иносказаний до полного отрыва от текста. Оттого позднее и явилось требование вернуться к букве, о чём глава следующая.

Заметим, что устройство это не устарело: всякий, кто читает притчу или басню, различает происшествие и урок; всякий читатель древнего текста делает то же самое, не зная имён.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Реформация и спор о ясности

✧

В шестнадцатом веке спор о толковании перестал быть учёным и сделался общественным — со всеми последствиями.

Требование реформаторов. Читать *только текст*, без предания над ним; и утверждение, что Писание в главном *ясно само по себе* и толкует себя само: тёмное место изъясняется ясным.

Возражение противной стороны. Если бы текст был ясен, толкования не расходились бы; но они расходятся, и потому нужна власть, устанавливающая чтение.

Чем кончилось. Не согласием, а разделением церквей и войнами, длившимися более века. Стоит запомнить: *спор о смысле текста бывает не отвлечённым*.

Что осталось в ремесле. Требование опираться на подлинник, а не на перевод; правило изъяснять тёмное ясным; и внимание к языкам, породившее учёное издание древних текстов.

И вопрос, оставшийся открытым доныне: *кто вправе решать спор о смысле*. Текст сам не решает; сообщество решает по своим правилам; и всё, что может ремесло, — отсеять негодные чтения, о чём глава тридцать четвёртая.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Шлейермахер и Дильтей

✧

В девятнадцатом веке герменевтика перестала быть служанкою богословия и стала общим учением.

Фридрих Шлейермахер сделал решающий шаг: он объявил, что правила толкования одни для всякого текста — священного, древнего, чужого письма. И перевернул исходное положение: *непонимание есть общее правило, а понимание — достижение*.

Он различил две стороны толкования: *грамматическую* — понять сказанное из языка и его строя — и *психологическую* — понять из человека, который это сказал, из его склада и обстоятельств.

Вильгельм Дильтей развил это в целое учение о науках о духе. Он противопоставил *объяснение*, которым занимается естествознание, и *понимание*, которым живут науки о человеке: природу мы объясняем, душевную жизнь понимаем.

Различение это спорно — о нём глава двенадцатая, — но оно поставило вопрос: *чем занимаются история, право, словесность, если не измерением*. Ответ: пониманием, у которого есть свои правила и своя строгость.

С них и начинается герменевтика как отдельное дело, а не как приложение к чтению одной книги.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Чем герменевтика не является

✧

Отсечём лишнее, ибо слово это в обиходе означает то слишком много, то слишком мало.

Она не есть учение о мире и не есть родня герметизму, о чём в главе второй.

Она не есть способ узнать «что автор имел в виду» наверняка. Мысли автора нам недоступны; доступен текст, обстоятельства и язык. Об этом спорят — и об этом глава двадцать шестая.

Она не есть разрешение читать как угодно. Из того, что толкований много, не следует, что все равны; проверки существуют, о чём глава тридцать четвёртая.

Она не есть только о книгах. Толкуются закон, договор, картина, обряд, поступок, взгляд собеседника. Всякий, кто спрашивает «что он этим хотел сказать», занимается герменевтикой.

И она не есть теория, стоящая над практикой. Все её правила выведены из работы читающих и годятся ровно настолько, насколько помогают читать.

Что же она есть? *Ремесло понимания и учение о его условиях*: как из знаков собирается смысл, отчего мы понимаем превратно и как проверить, что поняли верно.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

*

УСТРОЙСТВО ПОНИМАНИЯ

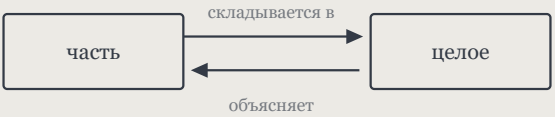
Круг части и целого, предпонимание и горизонт,
спор об авторе и читателе,
контекст, жанр и перевод

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Герменевтический круг

✧

Главное понятие всего дела: *часть понимается из целого, а целое — из частей*.

КРУГ: НИ ОДНА СТОРОНА НЕ ПЕРВАЯ

Пример обиходный. Слово понимается из фразы; но фраза складывается из слов. Книга — из глав, главы — из книги. Поступок человека — из его жизни, жизнь — из поступков.

Отчего это не порочный круг. Оттого что движение идёт *по спирали*: с первого прочтения складывается грубое понимание целого; оно позволяет уточнить части; уточнённые части поправляют целое. Работа эта не бесконечна: она сходится, когда поправки перестают быть существенными.

Отсюда правило чтения: трудный текст читают *дважды*. Первый раз — целиком и быстро, не задерживаясь на тёмном; второй — медленно, ибо теперь есть целое, из которого части объясняются.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Предпонимание

✧

Читающий приходит к тексту не пустым: у него есть язык, опыт, ожидания и мнение о предмете. Совокупность эту зовут предпониманием.

Что оно делает. Оно даёт первый набросок смысла: без него мы не поняли бы и первой фразы. Понимание начинается не с нуля, а с догадки, которую текст затем поправляет.

Чем оно опасно. Тем же самым: догадка легко подчиняет себе текст. Мы вычитываем ожидаемое и не замечаем противного — в точности как описано в книге об ошибках рассуждения, в главе о подборе в свою пользу.

Спор о предрассудке. Просвещение полагало всякий предрассудок помехой и требовало читать без предпосылок. Гадамер возразил: беспредпосылочного чтения не бывает, а *предрассудки суть условие понимания*; вопрос лишь в том, какие из них плодотворны, а какие ослепляют.

Как с этим работать. Не устранять, а *обнаруживать*: заметив, что текст сопротивляется, спросить, чего именно я ждал и откуда. Место, где текст «неверен» или «нелеп», — вернейший знак, что сработало моё ожидание.

Правило простое: *удивление есть сигнал*. Там, где написанное кажется странным, начинается настоящее чтение.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Горизонт и его слияние

✧

Ганс-Георг Гадамер ввёл образ, ставший ходовым: у всякого понимающего есть *горизонт* — круг видимого с его места.

Горизонт есть всё, что человек может помыслить, стоя там, где он стоит: его язык, время, обычай, знание. У текста — свой горизонт: его век и его среда.

Понимание есть слияние горизонтов. Не переселение в чужое время — это невозможно; и не подчинение текста своему времени — это произвол. А образование *третьего*, более широкого, в котором помещаются оба.

Отсюда важное следствие. Понимание всегда *иное*, чем у современников автора: мы знаем то, чего они не знали, и не знаем того, что для них было само собою. Оттого всякий век перечитывает старые книги заново — и это не порча, а свойство дела.

И отсюда же опасность: слияние легко подменяется поглощением, когда чужое целиком переводится в свои понятия и перестаёт возражать. Признак такой подмены — текст, во всём согласный с читателем.

Правило: *дай тексту возразить тебе*. Чтение, при котором древний автор оказался единомышленником, почти наверняка есть чтение себя.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Понимание и объяснение

✧

Различение, идущее от Дильтея: природу мы *объясняем*, подводя под закон; человеческое — *понимаем*, схватывая смысл.

Довод в его пользу. Сказать, отчего человек написал письмо, значит указать не причину в смысле толчка, а *основание*: чего он хотел, что считал должным, к кому обращался. Это иной род ответа.

Довод против. Разделение слишком резко: историк объясняет не хуже, чем понимает, а естествоиспытатель понимает свои приборы и статьи коллег. Науки о человеке пользуются и счётом, и объяснением — и не теряют строгости.

Примирение, принятое ныне. Понимание и объяснение суть не два мира, а *две стороны одной работы*. Поль Рикёр выразил это кратко: больше объяснять, чтобы лучше понимать. Объяснение — разбор строения, понимание — схватывание целого; одно ведёт к другому.

Что из этого для читающего. Не пренебрегать разбором: словарём, счётом слов, изданием, сличением рукописей. И не останавливаться на нём: разобранное надлежит собрать обратно в смысл.

Правило: *объясняй, чтобы понять; понимай, чтобы знать, что объяснять*. Это тот же круг из главы девятой, приложенный к работе исследователя.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Автор, текст и читатель

✧

Где живёт смысл — в намерении писавшего, в самом тексте или в чтении читающего? Спор этот и есть главный спор всей науки.

Смысл у автора. Толковать значит восстановить, что он хотел сказать. *Довод:* иначе всякое чтение равноправно и толковать нечего. *Возражение:* намерение недоступно, а порою автор и сам не даёт себе отчёта.

Смысл в тексте. Написанное отделяется от писавшего и живёт само: у него есть строение, которое можно разбирать. *Довод:* только текст и дан нам. *Возражение:* текст сам не говорит — говорит читающий.

Смысл у читателя. Он складывается при чтении и потому разный у разных. *Довод:* так оно и наблюдается. *Возражение:* тогда нельзя ошибиться, а мы ошибаемся — и узнаём об этом.

Разумное распределение, к которому пришли: *текст ограничивает, автор направляет, читатель совершает*. Написанное допускает не всякий смысл; сведения об авторе сужают выбор; окончательное же понимание всегда чьё-то и всегда во времени.

Отсюда и мера, годная на деле: *толкований несколько — но не бесконечно много*, и негодные отсеиваются, о чём глава тридцать четвёртая.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Контекст

✧

Правило, старшее всех прочих: *текст без положения дела не понимается*. Всё, что окружает сказанное, есть часть смысла.

Ближний контекст — соседние фразы. Место, вырванное из окружения, легко значит противное написанному; на этом стоит целое ремесло недобросовестного цитирования.

Дальний — всё сочинение и прочие сочинения того же лица: сказанное однажды поясняется сказанным в другом месте.

Внешний — время, место, обычай, повод, слушатели. Письмо, писанное другу, и письмо в присутствие суть разные роды речи, хотя бы слова совпадали.

Язык эпохи. Слова меняют значения; о том — глава девятнадцатая. Читать древний текст нынешним словарём есть вернейший способ понять превратно.

Правило работы: прежде толкования ответить на четыре вопроса — *кто, кому, когда и по какому поводу*. Ответы на них решают больше, чем всякая изощрённость в чтении.

И правило спора, вытекающее отсюда: *требуй окружения*. Приведённая цитата без соседних фраз есть не довод, а заготовка.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Жанр как ключ

✧

Прежде чем спрашивать, что́ сказано, надлежит спросить, *какого рода* эта речь. Жанр есть уговор о том, как читать.

Пример. «Он весит тонну» в описи есть ложь; в разговоре — преувеличение; в стихе — образ. Слова одни, чтение разное, и различает их не текст, а род речи.

Ошибка жанра есть первейшая причина недоразумений: притча читается как летопись, шутка как утверждение, наставление как описание, поэтический образ как измерение.

Как узнают жанр. По зачину и окончанию; по строю речи; по обстоятельствам; по тому, что делали с этим текстом читатели того времени. Древние тексты часто не имеют указания жанра, и его восстанавливают по сравнению с прочими.

Особый случай — смешанные и переменные жанры: книга, начатая как летопись и перешедшая в проповедь. Здесь и совершаются самые тяжёлые ошибки чтения.

Правило: *определи род речи прежде толкования*. Спор о смысле почти всегда оказывается спором о жанре — и, будучи так поставлен, нередко решается без ссоры.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Перевод как толкование

✧

Перевод есть толкование, доведённое до конца: переводящий обязан решить, что́ значит сказанное, ибо иначе не выберет слова.

Отчего невозможен буквальный перевод. Слова разных языков не совпадают по объёму значений; строй речи разный; то, что в одном языке сказано одним словом, в другом требует оборота.

Две крайности. *Дословность* сохраняет чужой строй и делается непонятной. *Вольность* понятна и подменяет чужое своим. Всякий перевод есть выбор между ними, и выбор этот — толковательный.

Правило Шлейермахера, высказанное им прямо: *либо* переводчик оставляет автора в покое и ведёт к нему читателя, *либо* оставляет читателя и ведёт к нему автора. Смешивать оба пути — худшее.

Что теряется всегда. Созвучия, игра слов, оттенки, связанные с обычаем; и то, что было понятно без слов.

Что из этого для читающего в переводе: помнить, что *перед вами уже истолкованное*. При важном чтении полезно сличить два перевода: расхождения между ними укажут трудные места вернее всякого примечания.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

РЕМЕСЛО

Как устанавливают текст и читают медленно,
что делать с тёмным местом и с подделкой,
как толкуют закон и как понимают друг друга в обиходе

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Установление текста

✧

Прежде толкования надлежит узнать, *что именно написано*. Работа эта зовётся критикой текста и предшествует всякому чтению древнего сочинения.

Отчего она нужна. Подлинников почти не сохранилось; дошли списки со списков. Всякий переписчик ошибался: пропускал строку, повторял слово, поправлял непонятное, вносил в текст заметку с полей.

Как работают. Собирают списки, сличают разночтения, устанавливают их родство и восстанавливают вероятный первоначальный вид. Правила таковы: предпочитается чтение *труднейшее* — ибо переписчик упрощал, а не усложнял; и чтение *краткое* — ибо чаще прибавляли, чем сокращали.

Что даёт эта работа. Издание с указанием разночтений: читающий видит, где текст твёрд, а где спорен. Толкование, построенное на месте с шаткой рукописной опорой, шатко вдвойне.

Правило для нашего времени: справляться, *по какому изданию* читаешь. Разница между учёным изданием и первым попавшимся списком в сети бывает велика — и целые толкования держались на ошибке переписчика.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Медленное чтение

✧

Ремесло толкователя начинается с умения читать медленно — так, как читают договор, а не как просматривают вести.

Порядок работы. Прочесть целиком, не задерживаясь, — ради целого. Затем разбить на части по смыслу. Затем разобрать всякую часть: подлежащее и сказуемое, к чему относится местоимение, что с чем связано союзом.

Выписывать. Повторяющиеся слова; противопоставления; всё, что вводится словами «ибо», «итак», «однако». Строение речи говорит о мысли не менее самих слов.

Отмечать непонятное. Не проскакивать: место, которое «примерно ясно», есть обыкновенно то самое, где сидит ошибка.

Пересказать своими словами. Приём простейший и вернейший: что не пересказывается, то не понято. Здесь работает то же, что сказано в книге об искусстве памяти об извлечении.

Правило времени: трудная страница стоит часа. Тот, кто читает древний текст со скоростью газеты, читает свои ожидания, а не его.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Слово и его значения в веках

✧

Слова меняют значения медленно и незаметно, и оттого древний текст обманывает читающего именно там, где кажется понятным.

Примеры в русском. «Прелесть» означала обольщение и обман; «позор» — зрелище; «живот» — жизнь; «врач» происходит от «врать» в смысле «говорить, заговаривать». Читающий старую книгу нынешним словарём поймёт превратно и не заметит этого.

Правило работы. Значение слова устанавливается не по словарю нашего времени, а *по употреблению в самом тексте и у современников*. Собрать все места, где слово встречается, и посмотреть, что́ с ним делается.

Ошибка происхождения. Древнее значение слова не есть его «истинное» значение: слово значит то, что значит *в свою пору*. Выводить смысл из корня — приём, дающий красивые и ложные толкования.

Ошибка целого. Не следует и вкладывать в одно слово весь смысл учения: значение живёт во фразе, а не в слове.

Правило кратко: *слово толкуется контекстом, а не этимологией*. Происхождение любопытно и почти никогда не решает дела.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Тёмное место

✧

Всякий, кто читает всерьёз, наталкивается на места, которых не понимает. Ремесло состоит в том, чтобы поступать с ними правильно.

Первое: установить род темноты. Испорчена ли рукопись; неизвестно ли слово; утрачены ли обстоятельства; или темнота нарочная — как в текстах, писанных для посвящённых, о чём в книге о герметизме.

Второе: изъяснять тёмное ясным. Правило старое и надёжное: искать в том же сочинении места, где о том же сказано прямо, и толковать по ним.

Третье: не строить на тёмном. Учение, опирающееся на одно неясное место и противное десяти ясным, почти наверняка ошибочно.

Четвёртое: допустить незнание. Честный вывод «место испорчено» или «смысл утрачен» есть законный результат работы. Толкование, придуманное ради заполнения пустоты, хуже пустоты.

И правило, оберегающее от соблазна: *тёмное место притягивает толкователей именно потому, что не возражает*. На ясном месте ошибку видно; на тёмном — нет, и оттого там охотно строят.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Буквально или иносказательно

✧

Вечный вопрос всякого чтения: когда сказанное следует понимать прямо, а когда переносно.

Признаки переносного чтения. Сам текст объявляет: «сие сказано в притчу». Буквальное понимание даёт нелепость, противную прочему в том же сочинении. Род речи предполагает образ — стих, притча, видение. Есть устойчивый образ, знакомый читателям того времени.

Признаки буквального. Повествование о происшествиях с указанием лиц и мест; предписание к исполнению; перечень. Здесь иносказательное чтение обыкновенно есть уклонение от неудобного.

Опасность обеих крайностей. Буквализм превращает образ в нелепость и заставляет спорить о том, о чём не говорилось. Аллегоризм позволяет вычитать что угодно и потому обессмысливает текст: всё значит всё.

Правило меры, выработанное веками: *иносказание допускается там, где буквальное невозможно*, и обязано опираться на буквальный смысл, а не отменять его. Это и есть порядок четырёх смыслов из главы пятой.

И проверка, годная всегда: *что в тексте препятствует моему толкованию*. Если ничто не препятствует, толкование ничего и не сообщает.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Подлинное и подложное

✧

Часть работы толкователя — установить, кем и когда написано; и здесь ремесло сходится с историей.

По каким признакам судят. Язык — словарь, обороты, строй речи должны отвечать объявленному времени. Упоминания — о вещах, людях, обычаях, которых в ту пору не было. Внешние свидетельства — знали ли современники об этом сочинении. Рукописная история — есть ли списки или лишь рассказ о найденной и утраченной книге.

Образец такой работы — разбор Казобона, показавший в 1614 году, что Герметический свод писан в первые века нашей эры, а не при фараонах; о нём сказано в книге о герметизме.

Другой знаменитый случай — Лоренцо Валла, доказавший в пятнадцатом веке подложность «Константинова дара» по языку: латынь грамоты оказалась много позднее объявленного времени.

Что даёт эта работа. Не приговор содержанию, а *верное отнесение*: сочинение второго века есть свидетельство второго века. Оно может быть глубоким и без древности.

И правило для читателя, повторённое из книги о герметизме: *сперва спроси, когда написано, потом — что написано.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Толкование закона

✧

Право есть область, где толкование имеет прямые последствия, и оттого правила здесь разработаны строже прочих.

Способы толкования, принятые повсеместно. *Буквальное* — по обычному значению слов. *Системное* — по месту нормы среди прочих. *Историческое* — по обстоятельствам принятия и намерению законодателя. *Целевое* — по назначению нормы.

Спор буквы и духа вечен и не решён. Держащиеся буквы говорят: иное толкование делает закон непредсказуемым. Держащиеся духа: буква не предусматривает всех случаев, и слепое следование ей ведёт к несправедливости.

Правила, ограничивающие произвол. Толкование не должно противоречить ясному тексту; неясность в наказании толкуется в пользу обвиняемого; исключения не расширяются; определение, данное в самом законе, обязательно.

Договор толкуется схоже: по буквальному значению слов, затем по смыслу целого, затем по обычаю и по поведению сторон после заключения. Последнее особенно ценно: *как стороны исполняли договор, так они его и понимали*.

И правило житейское: *спорное место в договоре толкуется против того, кто его составил*. Правило это старо, разумно и полезно помнить прежде подписания, а не после.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Толкование в обиходе

✧

Всё изложенное работает и в разговоре: понимание собеседника есть та же герменевтика, только скорая и без бумаги.

Что мы толкуем. Не слова, а *намерение*: зачем это сказано мне и сейчас. Оттого «здесь холодно» может быть сообщением о погоде, просьбой закрыть окно и упрёком хозяину.

Главная ошибка. Толковать чужое по худшему из возможных смыслов. Краткий ответ читается как холодность, молчание — как обида, недосказанность — как умысел. Обыкновенно же за ними усталость и спешка.

Правило доброжелательного чтения: из возможных толкований выбирай наиболее разумное и достойное — и лишь при упорном несовпадении с делом переходи к худшему. Правило это не наивность: оно избавляет от девяти ссор из десяти.

Приём проверки. Пересказать понятое вслух: «правильно ли я понял, что...» — и дать поправить. Это то же, что пересказ своими словами в главе восемнадцатой, приложенный к живой речи.

И о письме без голоса: в переписке отнято всё, кроме слов, — ни лица, ни тона, о чём сказано в книге о голосе. Оттого краткое письмо читается резче, чем писалось, и оттого же важное не пишут, а говорят.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

*

ШКОЛЫ И СПОРЫ

Гадамер и его противники, толкование с подозрением,
спор о смерти автора —
и новые предметы толкования, каких прежде не было

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Гадамер: истина сверх метода

✧

Ганс-Георг Гадамер издал в 1960 году «Истину и метод» — книгу, которая переменила разговор о понимании на полвека.

Его исходное положение. Понимание не есть приём, применяемый по желанию; оно есть *способ, каким человек существует*. Мы понимаем прежде, чем принимаемся понимать, ибо живём в языке и в предании.

Отсюда его спор с наукою. Заглавие книги значит: истина достигается не одним лишь методом; в искусстве, в истории, в разговоре она открывается иначе, и требование единого научного приёма здесь обедняет.

Понятия, вошедшие в обиход. *Предрассудок* как условие понимания, а не помеха; *горизонт* и его слияние; *действенная история* — то, что всякий текст доходит до нас с грузом прежних чтений и мы читаем сквозь них.

Разговор как образец. Понимание, по Гадамеру, устроено как беседа: спрашивают текст и позволяют ему спрашивать себя; и в хорошей беседе исход не известен заранее ни одному из собеседников.

Возражение, которое ему делали и делают: если предрассудки суть условие понимания, чем отличить плодотворные от ослепляющих? Ответ его — временем и опытом чтения — многим казался недостаточным, о чём глава следующая.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Защита авторского смысла

✧

Против такого понимания выступили те, кому оно казалось открывающим дорогу произволу.

Эмилио Бетти, итальянский правовед, настаивал: толкование есть *воспроизведение чужой мысли*, а не сотворчество. Он изложил правила: держаться самостоятельности предмета, толковать целое из связи, соразмерять своё понимание с чужим и оставаться открытым.

Эрик Дональд Хирш провёл различение, вошедшее в обиход: *смысл* — то, что имел в виду автор, и он неизменен; *значимость* — отношение этого смысла к нашему времени, и она меняется. Смешение их и порождает, по нему, весь спор.

Довод их прост. Если смысл не привязан к автору, то нет и мерила; всякое чтение равноправно, а мы знаем, что это не так: неверные чтения обнаруживаются и исправляются.

Довод противной стороны. Намерение автора недоступно; всё, что мы о нём знаем, восстановлено из текста; стало быть, «авторский смысл» есть тоже наше построение.

Разумный итог таков: *намерение автора есть не факт, к которому есть доступ, а лучшая догадка, ограничивающая произвол*. Догадка эта проверяема — и в этом её польза.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Рикёр: толкование с подозрением

✧

Поль Рикёр указал, что толкование бывает двух противоположных родов, и назвал их прямо.

Толкование доверия — когда мы стараемся услышать сказанное и восстановить его смысл: так читают священную книгу верующие, так слушают собеседника.

Толкование подозрения — когда мы полагаем, что явный смысл скрывает нечто иное, и ищем скрытое: за словами — выгоду, влечение, волю к власти. Учителями этого рода он назвал Маркса, Ницше и Фрейда.

Сила приёма. Он открывает то, чего говорящий сам о себе не знает: чьи интересы обслуживает его рассуждение, какая нужда стоит за убеждением.

Слабость и опасность. Подозрение *неопровержимо*: всякое возражение толкуется как подтверждение — сопротивление, ложное сознание, вытеснение. Приём этот разобран в книге об ошибках рассуждения как признак негодного положения.

Мера, предложенная самим Рикёром: подозрение уместно как *ступень*, а не как итог. Сперва услышать сказанное, затем усомниться, затем вернуться к пониманию — обогащённому, но не подменённому.

Правило же для спорящего: *подозревай доводы, а не собеседника*. Разбор чужих побуждений вместо разбора сказанного есть переход на лицо, о чём в книге об ошибках рассуждения.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Смерть автора и её пределы

✧

В 1967 году Ролан Барт напечатал короткое сочинение под названием «Смерть автора», ставшее знаменем целого направления.

Его мысль. Текст не есть послание одного лица; он соткан из чужих слов, из множества прежних текстов. Объяснять его биографией писавшего значит закрывать чтение. Оттого «рождение читателя оплачивается смертью автора».

Что здесь верно. Сочинение и вправду говорит больше, чем задумал писавший: язык несёт с собою готовые обороты и смыслы. И объяснение всего биографией — приём, обедняющий чтение.

Что неверно, если принять буквально. Из того, что автор не хозяин смысла, не следует, что смысла нет вовсе и что всякое чтение годится. Иначе исчезает и возможность возразить: «вы поняли меня неверно».

Как это устоялось. Крайность сгладилась: ныне говорят не об отмене автора, а о *распределении* — текст ограничивает, автор направляет, читатель совершает, о чём в главе тринадцатой.

И заметим для честности: *сам Барт, написав это, желал быть понятым*. Довод этот прост и неотразим: всякий пишущий об отсутствии авторского смысла притязает на смысл собственного сочинения.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Толкование священных книг

✧

Здесь герменевтика родилась и здесь же её споры острее всего, ибо от толкования зависит жизнь общин.

Что прибавляется к обычному чтению. Предание общины, в которой текст живёт; правило веры, по которому спорное толкуется; и признание, что книга обращена к читающему ныне, а не только к древним.

Историческая критика, сложившаяся с восемнадцатого века, стала читать эти книги как всякие иные: устанавливать время, источники, слои, жанры. Это дало огромное знание — и вызвало спор, длящийся доныне: не разрушает ли разбор того, ради чего книгу читают.

Ответ, к которому пришли многие, в том числе внутри самих церквей: разбор устанавливает *что сказано*, а вера отвечает на вопрос, *как этим жить*. Одно не заменяет другого и не отменяет.

Опасность буквализма. Чтение древней книги нынешним словарём и нынешним родом речи даёт нелепости и жестокости, которых в ней не было; о жанре сказано в главе пятнадцатой.

Опасность вольного чтения. Иносказание позволяет вычитать что угодно и потому оправдывает что угодно — в том числе противное самому тексту.

Мера здесь та же, что и всюду: *буквальный смысл есть основание, переносный — надстройка*, и надстройка не отменяет основания.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Толкование в науке

✧

Принято думать, что наука измеряет, а не толкует. Это неверно: *данные тоже читают*.

Где толкование входит в науку. В выбор того, что считать данными; в определение понятий; в объяснение расхождений; в решение, какой опыт считается решающим; в чтение чужих работ.

Показания приборов не говорят сами: их надо истолковать — отделить сигнал от помехи, отнести к причине, связать с теорией. Одни и те же числа при разных предпосылках означают разное.

Отсюда известное затруднение: опыт никогда не опровергает одно положение начисто, ибо всякая проверка опирается на связку допущений, и при неудаче можно поправить любое из них. Оттого решение, что именно опровергнуто, есть отчасти дело *суждения*, а не расчёта.

Что из этого не следует. Не следует, что наука есть толкование наравне с прочими и что все чтения равны: у неё есть проверка, которой нет у толкования текстов, и она отсеивает.

Что следует. Что и в науке работают правила понимания: контекст, жанр сообщения, добросовестность чтения чужого. Учёный, читающий чужую статью в худшем толковании, ошибается так же, как спорщик из книги об ошибках рассуждения.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Толкование образов и вещей

✧

Толкуются не одни тексты: картина, здание, обряд, вещь, поступок читаются по тем же правилам.

Три ступени чтения изображения, предложенные Эрвином Панофским. *Первая* — что изображено: человек, животное, предмет. *Вторая* — что это значит по условию: женщина с колесом есть святая Екатерина; весы означают правосудие. *Третья* — что это говорит о времени и обществе, его создавшем.

Условность знака. Вторая ступень требует *знания условий*: без словаря образов картина читается неверно. Оттого древние изображения так часто толкуются превратно — их читают нынешним словарём, как и тексты.

Обряд толкуется так же: что делают, что это означает по условию и что говорит об общине. Об устройстве обряда — отдельная книга собрания.

Опасность. В чтении образов соблазн произвола сильнее, чем в чтении слов: изображение не возражает. Всякая теория находит в картине подтверждение — здесь работает то же, что сказано о соответствии в книге о герметизме.

Правило: *всякое толкование образа должно опираться на свидетельства времени* — на тексты, на обычай, на прочие изображения. Толкование, опирающееся лишь на догадку смотрящего, есть рассказ о смотрящем.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Тексты, писанные не человеком

✧

Наше время поставило перед этим ремеслом задачу небывалую: толковать сочинения, у которых нет автора в прежнем смысле.

В чём новизна. Обучаемая машина составляет текст, подбирая правдоподобное продолжение, о чём в книге об автоматах. За её словами нет ни намерения, ни опыта, ни ответственности — а есть свод прочитанного ею и устройство подбора.

Что это отменяет. Вопрос «что автор имел в виду» — главный вопрос всей нашей науки. Спрашивать его о машине бесполезно: она не имела в виду ничего.

Что остаётся. Прочее ремесло: разбор строения текста, проверка утверждений, определение жанра, поиск источников, из коих составлено. Всё это работает по-прежнему.

Что прибавляется. Два новых вопроса. *Первый:* кем и с какою целью машина поставлена писать — ибо ответственность лежит на людях, о чём в книге об автоматах. *Второй:* откуда взято сказанное — ибо гладкость речи не есть основание.

И правило, вытекающее из всего этого: *читая такой текст, проверяй, а не толкуй*. Толкование ищет смысл за словами; здесь за словами смысла нет — есть лишь правдоподобие, и проверять его надлежит по источникам.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

*

ГРАНИЦА

Где кончается толкование и начинается произвол,
чем проверяют понимание,
и чего оно не может при всяком старании

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Произвол толкования

✧

Главное возражение против всей этой науки таково: если толкований много, то нет и неверных, а стало быть, читать можно как угодно.

Ответ первый. Из множественности не следует равенство. Толкований прямой линии между двумя точками ровно одно; толкований трудного текста несколько; толкований бессмысленного набора знаков бесконечно много. *Число годных чтений есть свойство текста*, а не признак произвола.

Ответ второй. Неверные чтения обнаруживаются и исправляются — и всякий, кто читал внимательно, знает это по себе. Стало быть, мерило есть.

Признаки произвольного толкования. Оно опирается на одно тёмное место и противоречит десяти ясным. Оно требует, чтобы слова значили не то, что значили в свою пору. Оно не может назвать, что́ в тексте ему противоречит. Оно подтверждается всяким возражением. И оно во всём согласно с толкователем.

Признаки добросовестного. Оно объясняет *больше* мест, чем прежнее; оно допускает опровержение; оно называет свои допущения; и оно оставляет в тексте нечто непонятое.

Последнее особенно важно: *толкование, объяснившее решительно всё, объяснило слишком много.*

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Проверка толкования

✧

Соберём мерила, которыми в этом ремесле отличают годное чтение от негодного. Их немного, и они просты.

> Толкование тем лучше,
> чем больше мест оно объясняет
> и чем меньше требует натяжек.

Полнота. Годное толкование объясняет и те места, что казались побочными; негодное отбрасывает неудобное как «вставку» или «описку».

Связность. Оно согласуется с прочими сочинениями того же лица и с тем, что известно о времени.

Соразмерность. Оно не требует допущений более сильных, чем сам предмет: тайное общество, зашифрованное послание и утраченная рукопись суть допущения дорогие и требуют доказательств.

Опровержимость. Толкователь может назвать, что́ заставило бы его отказаться. Не могущий назвать — не толкует, а исповедует.

Согласие сведущих. Не большинство решает истину; но чтение, отвергаемое всеми, кто знает язык и время, требует от своего защитника особенно веских доводов.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Толкование и внушение

✧

Здесь эта книга смыкается с книгою о внушении, и смыкается в неприятном месте.

Толкователь внушает. Растолкованный текст читается после уже сквозь толкование: услышав, «о чём это на самом деле», читатель находит в тексте именно это. Своё прежнее чтение он вспоминает неверно — о перестройке памяти сказано в книге об искусстве памяти.

Отсюда сила наставника и его ответственность: он не сообщает смысл, а *устанавливает* его для многих. Вес источника здесь работает так же, как описано в книге о внушении.

Отсюда же приёмы недобросовестного толкования: цитата без окружения; перевод, подогнанный под вывод; «как известно», прикрывающее спорное; ссылка на непереводимость, освобождающая от проверки.

Защита читателя прежняя: спросить об источнике; посмотреть окружение; сличить два перевода; поискать несогласного толкователя и выслушать его.

И правило для самого толкующего: *показывай текст, а не пересказ*. Кто приводит слова целиком и рядом своё чтение, даёт читателю возможность возразить; кто пересказывает — отнимает её.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Чего толкование не может

✧

Соберём пределы, дабы не требовать от ремесла невозможного.

Оно не даёт окончательного чтения. Всякое понимание принадлежит своему времени; следующий век прочтёт иначе — и это не порча, а устройство дела.

Оно не восстанавливает мысли автора наверняка. Доступны текст, язык и обстоятельства; намерение — лишь наилучшая догадка.

Оно не заменяет знания предмета. Толковать сочинение о врачевании, не зная врачевания, значит читать слова.

Оно не разрешает спор о ценностях. Установив, что́ сказано, мы не решили, следует ли этому следовать. Это иной вопрос, и герменевтика на него не отвечает.

Оно не спасает от несогласия. Двое добросовестных читателей могут прочесть по-разному и оба остаться в правилах. Тогда честный итог — назвать место расхождения, а не объявить противника невеждой.

И последнее: *оно не отменяет незнания*. «Смысл этого места утрачен» есть законный вывод, и он лучше выдуманного объяснения.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Толкование себя

✧

Труднейший текст для всякого — он сам: собственные поступки, побуждения и воспоминания читаются с теми же ошибками, что и чужие книги.

Круг работает и здесь. Отдельный поступок понимается из всей жизни, жизнь — из поступков. Оттого рассказ о себе меняется с возрастом: не прошлое меняется, а целое, из которого оно читается.

Предпонимание и здесь ослепляет. Человек, считающий себя невезучим, найдёт подтверждения; считающий себя виноватым — тоже. Здесь работает подбор в свою пользу, о чём в книге об ошибках рассуждения.

Опасность подозрения. Приём Рикёра, обращённый на себя без меры, даёт бесконечное копание: за всяким побуждением отыскивается низменное, и остановиться негде.

Что помогает. Записанное вовремя — дневник, письма, заметки: они возражают памяти, которая перестраивает былое, о чём в книге о памяти. И чужой взгляд — человек, который прочтёт вас иначе.

И правило доброжелательного чтения, изложенное в главе двадцать четвёртой, приложенное к себе: *из возможных толкований своего прошлого выбирай не худшее и не льстивое, а то, из которого следует, что делать дальше*.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Правила толкующего

✧

Соберём правила ремесла в порядок, годный для памяти.

Установи текст. По какому изданию читаешь и твёрдо ли это место в рукописях.

Спроси: кто, кому, когда, по какому поводу. Четыре вопроса решают больше всякой изощрённости.

Определи род речи прежде толкования.

Читай дважды: сперва целое, потом части.

Изъясняй тёмное ясным и не строй учения на неясном месте.

Не подставляй нынешних значений в старые слова.

Назови свои допущения и то, что заставило бы тебя отказаться от твоего чтения.

Приводи текст, а не пересказ, и с окружением.

Оставь непонятое непонятым. Честное «неясно» дороже стройного вымысла.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Правила спорящего о смысле

✧

Споры о смысле составляют половину человеческих ссор; правила здесь те же, что в книге об ошибках рассуждения, приложенные к чтению.

Изложи чужое чтение так, чтобы его защитник согласился, — и лишь потом возражай.

Спорь о тексте, а не о лице. Побуждения толкователя не касаются годности его чтения.

Назови место расхождения. Обыкновенно спорят о разном: один о том, что сказано, другой — о том, следует ли этому следовать.

Требуй окружения у всякой приведённой цитаты и приводи своё.

Различай «не доказано» и «ложно». Обнаружив натяжку в чужом толковании, ты показал, что оно не обосновано, а не то, что верно противное.

Допусти несогласие. Двое добросовестных могут прочесть по-разному; итогом спора бывает не победа, а *ясное описание того, в чём расходятся*.

И правило разговора, вытекающее из главы двадцать четвёртой: *прежде спора спроси, верно ли ты понял*. Половина споров кончается на этом вопросе — и кончается миром.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

Заключение: круг и мера

✧

Сведём книгу к тому немногому, что стоит держать в памяти без справок.

Смысл не дан прямо: он собирается читающим из знаков, строя речи и положения дела. Оттого понимание есть *работа*, а не приём восприятия.

Работа эта идёт по *кругу*: часть из целого, целое из частей — и по спирали приходит к устойчивому чтению. Читающий приходит не пустым; предпонимание есть условие понимания и вместе с тем главная его опасность.

Ремесло сводится к немногому: установить текст, спросить кто, кому, когда и по какому поводу; определить род речи; читать дважды; изъяснять тёмное ясным; не подставлять нынешних слов.

Толкований бывает несколько, но не бесконечно много, и негодные отсеиваются: полнотою, связностью, соразмерностью допущений и готовностью назвать, что́ его опровергло бы.

И последнее, ради чего написана книга. *Понимание не бывает окончательным — и потому требует меры*: смелости прочесть и готовности быть поправленным. Кто держит и то и другое, тот читает — и книги, и людей, и себя.

❋

ГЕРМЕНЕВТИКА

Круг, контекст и мера

Изложение в сорока главах

O.V.K — X.T.R

Набрано и свёрстано
для настольного издания
формата 148 × 210 мм